

Научная статья
УДК 94(47)(470.342)"18"
doi: 10.17223/15617793/481/15

Особенности реализации миссионерской политики Русской православной церкви в отношении нерусских народов Вятской губернии во второй половине XIX в.

Дарья Александровна Калинина¹, Вера Александровна Криюшина²

¹ Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия, kalininadarja@mail.ru

² Кировский государственный медицинский университет Минздрава России, Киров, Россия, vkriushina@inbox.ru

Аннотация. Дан обзор особенностей реализации одного из направлений миссионерской политики государства в условиях полиэтничной Вятской губернии. Определены основные направления государственной политики второй половины XIX в. в отношении нерусских неправославных народов. Выявлен пласт информации о религиозно-просветительской работе священнослужителей, направленной на укрепление положения Русской православной церкви среди иноверческого населения губернии.

Ключевые слова: конфессиональная политика, миссионерская деятельность, иноверцы, Вятская губерния, Вятские епархиальные ведомости

Для цитирования: Калинина Д.А., Криюшина В.А. Особенности реализации миссионерской политики Русской православной церкви в отношении нерусских народов Вятской губернии во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 127–133. doi: 10.17223/15617793/481/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/15

Features of implementing the Russian Orthodox Church's missionary policy towards the non-Russian peoples of Vyatka Province in the second half of the 19th century

Daria A. Kalinina¹, Vera A. Kriushina²

¹ Volga-Vyatka Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University, Kirov, Russian Federation, kalininadarja@mail.ru

² Kirov State Medical University, Kirov, Russian Federation, vkriushina@inbox.ru

Abstract. The article aims to single out and analyse the missionary activities of the Orthodox clergy of Vyatka Province in the second half of the 19th century. The spatial scope of the study is determined by the boundaries of the given region as of the specified period. The chronological framework of the study is due to the identified trend of intensifying missionary practice associated with the internal political processes of the post-reform era. The source base of the study was made up of various categories of historical sources. First of all, these are the acts of the Holy Synod, which make it possible to identify the directions of the state confessional policy in general. Documents of the Vyatka Committee of the Orthodox Missionary Society contain rich factual material about missionary practice in a foreign environment. Clerical records tell about the milestones of the missionary service of specific priests. The characteristics of Vyatka Province as a region with peculiarities of national and confessional structure are recreated based on published statistical sources. Publicistic sources from the periodical *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti* are of paramount importance in solving the problems of the study. The methodological basis of the study is the problem-chronological approach. In accordance with it, the starting point of the study was the characteristic of the ethno-confessional situation in Vyatka Province in its evolution: from the period of the appearance of the Slavic-Russian population in the region inhabited by ethnic Finno-Ugric peoples, pagans in terms of worldview, to ascertaining the facts of the ongoing assimilation in the 16th–18th centuries, which followed the path of forming a regional ethos on the basis of Orthodox values. The result of the study within the framework of the designated problem is the formulation of several specific areas of these activities. These areas include: creation in Vyatka Province, in the context of the general imperial trend, of Orthodox societies and brotherhoods; dissemination of education among non-Russian non-Orthodox peoples through the establishment of special foreign schools; creation of new church parishes in foreign villages; organization of regular monitoring by the Holy Synod of missionary activities; strengthening of informational coverage of missionary activities in the *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti* periodical of Vyatka Eparchy. Based on the results of the study, the following conclusions were drawn: missionary work was carried out by various means; regional practice was in the context of national events; the state and the church spurred missionary activities when a threat to social stability arose from a number of post-reform populist organizations. It can be argued that the non-native population of Vyatka Province

turned out to be receptive to the efforts of the Orthodox clergy, which became a kind of a social bond, uniting different nationalities into a single state entity.

Keywords: confessional policy, missionary activity, non-Orthodox, Vyatka Province, *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*

For citation: Kalinina, D.A. & Kriushina, V.A. (2022) Features of implementing the Russian Orthodox Church's missionary policy towards the non-Russian peoples of Vyatka Province in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 127–133. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/15

Российская империя во второй половине XIX в., являясь многонациональным государством с обширной и неравномерно заселенной территорией, отстаивала идею государственного единства и целостности. Одним из ключевых направлений деятельности государства, направленных на достижение обозначенной цели, было сохранение стабильности в полиэтническом и многоконфессиональном обществе. Путем достижения мирного продуктивного сотрудничества в разных сферах общественной жизни государственные деятели (прежде всего, консерваторы) стремились к сплочению приверженцев отличных от православия религиозных течений в единое сообщество – нацию, понимаемую не только в политическом, но и в общекультурном значении. В середине XIX в. российскими государственными лидерами определялись сугубо мирные способы подобного сплочения: четкое установление правового статуса этносов и представителей разных конфессий, просвещение инородцев с целью распространения ценностей русской культуры, организация миссионерской деятельности.

Государственной религией в Российской империи являлось православие. На основании «Учреждения об Императорской фамилии» 1797 г. занятие российско-го престола было запрещено для лица, не принадлежащего к Русской православной церкви, поскольку русский император де-юре был ее главой (со времен церковной реформы Петра I). В этих условиях миссионерская политика государства становилась особо значимой. Она осуществлялась Русской православной церковью при поддержке государства и оказывала влияние на формирование единого национального самосознания у разных этносов в пределах Российской империи.

Распространение православия среди нерусских народов как одно из направлений миссионерской политики Русской православной церкви во второй половине XIX в. имело существенные региональные отличия (как в практике осуществления, так и в результатах). На примере одного из «сложных» регионов империи – Вятской губернии – охарактеризуем конкретику реализации конфессиональной политики и трудности, с которыми сталкивалось государство в решении ее задач.

Географическое положение созданной в конце XVIII в. Вятской губернии было образовано землями между реками Вятка и Кама («искони занимаемы были, главным образом, вотяками»), а также землями, ограничиваемыми течением Вятки и Камы с одной стороны, Волги и Ветлуги – с другой, которые были «местопребыванием черемис». В XII в. в рамках колонизационной политики Северо-Западной Руси в

пределах будущей Вятской губернии появились новгородцы, потеснившие вотяков и черемисов с их исконных земель. Во второй половине XIX в. черемисы и вотяки по-прежнему исповедовали язычество, важнейшей частью идолослужения оставалось поклонение природе: кроме главного бога, всемогущего и доброго, они поклонялись богам огня, воды, грома, земли и др. Служение богам состояло в принесении им в жертву домашних животных, птиц, шкур, хлеба и денег.

Длительное сохранение языческих верований среди нерусских народов Вятской губернии имело объективные причины. Вятка долгое время «не имела своего местного епископа... не имела ни одного монастыря; удалена была на великие расстояния от древних святительских кафедр Новгородской, Московской, Ростовской... отделена была от них непроходимыми лесами и болотами» [1. С. 10]. Распространение православия на Вятке как один из путей адаптации местных народов к русской социокультурной и духовной среде, их пребывания в государственном пространстве Московского царства было начато лишь в XVI в. При Петре I была предпринята попытка комплексного решения задачи повсеместного присоединения всех нерусских народов, проживающих на территории государства, к православию. Этот процесс в отношении к вотякам и черемисам Вятки осложнялся насильственным характером колонизации местных земель. Русские поселенцы здесь были вовлечены «в упорную, вековую борьбу с аборигенами...» [1. С. 12–13].

Доказательством тому служит один из первых православных храмов Вятской земли – Николаевский собор уездного Нолинска. Он был основан монахами Успенского Свято-Трифонов монастыря Вятки в 1668 г. В петровскую эпоху – по храмозданной грамоте архиепископа Вятского и Великопермского Дионисия – строился каменный храм. Показательно, что в конце XVIII в. (1795 г.) была начата постройка ограды вокруг храма: из утрамбованной земли, камня и щебня были возведены стены из кирпича с железными решетками, в юго-восточном и юго-западном углах появились восьмигранные сторожевые башни [2. С. 28]. Храм приобрел облик крепости, что было обусловлено противостоянием с окрестными черемисами. Практика обращения в православие местных народов начала давать небольшие позитивные результаты лишь в XVIII в.: «...среди непрестанных военных тревог, среди постоянных опасностей со стороны вотяков и черемис, русским... доводилось думать сначала только о защите своей, а не о просвещении... святою верой» [1. С. 13].

И во второй половине XIX в. Вятская губерния продолжала оставаться поликонфессиональной. Процесс формирования на почве разных народностей единого этоса (сходного миропонимания, возникающего в результате длительного совместного местопребывания людей), базирующегося на общих ценностных установках, шел довольно медленно. Православное духовенство активно и деятельно включилось в решение этой государственной задачи.

Бытование языческих верований и обычаев у коренных народов региона во второй половине XIX в. воспринималось русским населением губернии и православными священнослужителями как привычная и традиционная практика. В отчете о религиозно-нравственном состоянии инородцев за 1881 г. констатировались факты внебрачного сожительства, принятого в языческой среде: «...Удерживается между вотяками обычай... увозить невесту за месяц, два и более до свадьбы в дом жениха... Молодые люди находятся в сожительстве, не освященном церковью» [3. Л. 2 об.]. Среди инородческих проявлений языческого культа конца XIX в. названы «умилостивительные жертвы быков, баранов, гусей... с испрашиванием плодородия», «ворожба при несчастных случаях», «поминки умерших предков», которые, однако, «во многих приходах заменяются церковным поминовением через исправление панихид» [3. Л. 3, 3 об.]. Благочинные по епархиальным округам, фиксируя в отчетах глубину укоренения языческих верований, объясняли медленное распространение православия среди вотяков и черемисов огромным влиянием «жрецов-кудесников», которые «поддерживали суеверия».

Сходные сведения содержатся в отчете за 1886 г. священника села Галицкого Саввы Наумова о религиозно-нравственном состоянии черемисов в Яранском и части Котельничского уездов. Миссионер указывал на численное доминирование инородцев в южных уездах губернии: «В составе округа 310 черемисских селений, в которых 20 568 мужчин и 22 663 женщины (Яранский уезд). В двух приходах Котельничского уезда (Верхошижемском и Верхотульском) 5 черемисских селений, в которых около 500 душ обоего пола» [4. Л. 3]. При этом священник констатировал факт поверхностного принятия православия местным населением: «...хотя все черемисы моего округа принадлежат к православной церкви, все крещены, принимают святыя таинства церкви, но есть еще между ними колеблющиеся, придерживающиеся языческих обычаев» [4. Л. 3–3 об.].

Отчеты вятских миссионеров свидетельствуют, что в отношении инородцев применялись мирные методы миссионерской деятельности. Это соответствовало принципам государственной конфессиональной политики в данном вопросе. На основании определений Святейшего синода Вятская духовная консистория разработала общие начала миссионерской деятельности в отношении нерусских народов губернии. Священнослужителям рекомендовалось принимать «меры разумные, целесообразные... всячески стараясь избегать в деле совести мер принудительных... Нужно убеждение здесь кротким и разум-

ным пастырским словом, а полицейские меры могут лишь охладить сердца прихожан к вере...» [5. С. 54].

Во всех благочиниях, где часть местного населения оставалась приверженной к язычеству, священники проявляли «неустанное пастырское внимание и вразумление» иноверцев, которых называли «заблуждающимися» [3. Л. 3 об.]. Савва Наумов сообщал, что в 1886 г. он провел 22 дня в поездках по черемисским селениям, посетив 70 населенных пунктов. И везде «говорил о пользе обучения детей грамоте, убеждая отдавать детей для обучения в народные училища и церковно-приходские школы, обращал внимание на знание и понимание ими молитв... Черемисы довольно охотно собираются на увещевания, с расположением слушают и иногда предлагают свои вопросы относительно благоповедения...» [4. Л. 7, 7 об.].

Явным проявлением религиозного чувства инородцев признавалось то, что «во всех почти приходах... приучены без напоминаний исполнять христианский долг исповеди и Святого Причастия..., часто обращаются к помощи Божией, исправляя молебны в храмах, и в домах, и на полях..., исполняют обеты поклониться местным иконам...» [4. Л. 2]. Приобщение язычников к православию имело и цивилизующее значение: «при врожденной скупости призывают бедных в своих семействах... в болезнях вместо ворожбы и знахарей начинают обращаться к врачам, сознают потребность учить детей грамоте» [3. Л. 2]. Кроме богослужебных обязанностей, привычка выполнения которых в среде коренного населения губернии формировалась православными священниками, особенно важным представляется акцентировка личностных качеств милосердия, щедрости, актуальных в повседневном быту, здравого смысла по отношению к процессам обучения и врачевания. Так православная проповедь становилась основанием приобщения инородцев к культуре.

В документах отложились факты, свидетельствующие о результативности деятельности священнослужителей. В рапорте миссионера по инородческим делам священника Петра Мышкина (Глазовский округ, село Верхпорзинское) епископу Сарапульскому Нафанаилу отмечалось: «Состояние инородцев крещеных... в удовлетворительной степени, хотя резкого возвышения в познании веры и в улучшении нравственности не проявлялось... С пониманием христианских правил, обязанностей любви к Богу и ближнему... нравы инородцев смягчаются...» [3. Л. 1]. Священник Савва Наумов в отчете за 1886 г. фиксировал увеличение с каждым годом числа черемисов, осознанно воспринявших православие: «...многие черемисы по своей принадлежности Святой церкви могут служить примером для многих русских православных. Во всех случаях жизни обращаются с домашней молитвой... не отказываются жертвовать на устройство и благоустройство храма» [4. Л. 4]. По свидетельству вятского священника-миссионера, общепринятым названием черемисина, оставившего свои языческие верования, являлось слово «руссковер». А в объяснении своей приверженности язычеству черемисы XIX в. ссылались на то, что

«для каждого народа должна быть своя вера» [4. Л. 3 об.]. Так приходили в гармоничное сочетание (необходимое в условиях поликонфессионального и многонационального государства) причастность к целому русскому миру и сохранение исконных оснований народности и самоидентификации.

Приходские священнослужители ежегодно отчитывались о количестве лиц, принявших православие. Подобные сведения сводились воедино и фиксировались в ежегодных отчетах, предоставляемых в Святейший синод руководством Вятской епархии. Местное население извещали об успехах миссионерской деятельности на страницах «Вятских епархиальных ведомостей». Так, протоиерей И.Ф. Фармаковский сообщал о результатах обращения в православие по итогам 1862 г.: «Присоединилось к православию из католиков – 1 человек, лютеран – 4 человека, магометан – 2 человека, евреев – 2 человека. Из язычников вотяков – 1 человек, черемис – 22 человека» [6. С. 266]. Эти данные показывают, что вопрос обращения в православие касался не только язычников юго-восточных и северо-восточных уездов губернии, но и представителей иных религий и конфессий, проживающих на территории Вятской губернии. Информирование прихожан епархии касалось и результатов деятельности конкретных миссионеров. Так, в формулярном списке протоиерея Иосифа Стефанова, определенного с сентября 1830 г. миссионером для утверждения в христианской вере новокрещенных вотяков по Глазовскому уезду, уже в 1831 г. значится обращение в христианство 118 язычников. А в некрологе от февраля 1881 г. отмечено, что он лично просветил святым крещением 409 инородцев из язычества [7. С. 78].

Из практики «вразумления» нерусских народов священнослужителями Вятской епархии с опорой на основы общегосударственной конфессиональной политики Русской православной церкви ко второй половине XIX в. постепенно сформировались направления миссионерской деятельности в отношении нерусских народов, проживающих в Вятской губернии.

Первым направлением подобной политики стало создание в губерниях Российской империи православных обществ и братств. Православные церковные братства создавались в великорусских губерниях для «противодействия посягательствам на права [Церкви] со стороны иноверцев и раскольников... для распространения и утверждения духовного просвещения» [8. С. 399]. В Вятской губернии действовало Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая, основанное в 1881 г. епархиальным миссионером, кафедральным протоиереем Стефаном Никифоровичем Кашменским. В 1866 г. в Петербурге под высочайшим покровительством Государыни Императрицы было учреждено общество для распространения православного христианства, задачами которого стали «возбуждение, поддержание и развитие в членах русской церкви сочувствия к миссионерскому делу; содействие духовному начальству в снабжении миссий достаточным числом благонадежных миссионеров и удовлетворение всем вещественным нуждам миссий по содержанию миссионерских станом, церквей,

больниц, школ...» [9. С. 58]. В развитие общероссийской практики в 1870 г. в губернии был создан Вятский комитет Православного миссионерского общества, акцентировавший внимание на обращение в православие путем просветительской деятельности среди нерусских народов. Перед комитетом были поставлены две задачи: «Заботиться об утверждении христианства между крещеными инородцами Вятской епархии и просвещении православной христианской верой остающихся в языческом суеверии соплеменников посредством школьного обучения» [10. Л. 4].

В конце XIX в. Вятский комитет Православного миссионерского общества представлял собой хорошо организованный центр ненасильственного приобщения к православной вере вотяков, черемисов, татар и иных нерусских народов губернии. В результате создания подобных обществ и братств, специализирующихся на распространении православия, в том числе и среди нерусских народов, миссионерская деятельность Русской православной церкви в целом и Вятской епархии в частности вышла на качественно новый уровень.

Вторым направлением конфессиональной политики являлось распространение просвещения среди нерусских неправославных народов, для чего создавались специальные инородческие школы. Развитие грамотности признавалось «более верным средством для искоренения языческих заблуждений» [4. Л. 8]. Открытие инородческих школ проводилось централизованно Вятским комитетом Православного миссионерского общества и частными инициативами священнослужителей. В итоге к 1884 г. в Вятской губернии действовало «16 училищ среди инородческого населения: 7 – татарских в деревнях, 4 – черемисских в деревнях, 1 – бесермянское в деревне Ворцынской Глазовского уезда... 3 – вотских в деревнях». В числе учащихся было 40 русских детей, 176 татар, 140 черемис, 107 вотяков, 37 бесермян [11. Л. 4 об.]. Упомянутый выше протоиерей Иосиф Стефанов в первые годы своего миссионерского служения столкнулся с такой ситуацией, когда «для тех немногих школ, которые были открыты, почти неволей набирали учащихся... Даже русские никак не хотели отдавать детей в школы, находя грамотность делом ненужным для крестьянина» [7. С. 79]. В поощрение приходским священникам и в образец для иных школ в 1836 г. он открыл у себя домашнюю школу, в которой под его руководством обучались городские и сельские дети.

Важнейшей составляющей этого процесса было обеспечение школ «надежными и способными учителями». Ради достижения цели Вятский комитет Православного миссионерского общества на свои средства постоянно содержал в Казанской крещено-татарской школе нескольких мальчиков из инородцев. В 1880 г. это были Павел Петров и Семен Дмитриев, которые, получив впоследствии свидетельства об окончании курса, были определены учителями в Старогришкинское миссионерское училище Елабужского уезда [12. С. 142]. Важно отметить, что Комитет старался «иметь в своих училищах способных и благонадежных учителей из природных инородцев...» [13. Л. 5 об.] по преимуществу выходцев из крестьянского сословия.

Содержание инородческих школ осуществлялось за счет денежных пожертвований, что позволяет говорить об объединении государственных и общественных усилий: членские взносы комитета составляли 3 рубля, проводились сборы в кружки, учрежденные при церквях на распространение православия между язычниками империи; сборы в кружки, поставленные от Комитета в волостных правлениях [10. Л. 1 об.]. Комитет постоянно привлекал приходских священников к ревизиям существующих школ. Из материалов данных ревизий можно составить представление о материальной базе этих учебных заведений: «Священник Карп Шишков обревизовал открытую учителем Иваном Якимовым в селе Казанском инородческую школу... Училище помещается в церковном казенном доме на 7 и 9 аршинах... Здание обогревается одной кухонной печью, в училищной комнате стоят четыре шестиместных парты и одна черная доска. Учебников недостаточно, но учитель обещался приобретать на пожертвованные Его Преосвященством деньги... В училище в течение прошедшей зимы 35 учеников, из коих половина – черемисского племени... Учитель объясняется по-черемисски свободно...» [13. Л. 47].

Третьим направлением конфессиональной политики Российской империи в конце XIX в. стало создание новых церковных приходов в инородческих селах. Новые церкви создавались по инициативе местных православных, нуждавшихся в организованном месте и священнослужителе для осуществления христианских треб. Помимо своего прямого назначения приходское духовенство распространяло грамотность и христианские ценности среди местных жителей. В Уржумском уезде Вятской губернии были построены церкви в новых селах Илетское, Салтак-Ял, Русско-Шойское, Аракнур, населенных преимущественно нерусскими народами. Так, приход молитвенного дома в селе Русско-Шойском Уржумского уезда в основном состоял из черемисских деревень, а в приходе Казанско-Богородицкой церкви села Салтак-Ял Уржумского уезда, насчитывающего 1 563 человек, 399 человек были марийцами [14. Л. 317 об., 522].

Четвертым направлением в борьбе за укрепление православия было формирование регулярного контроля со стороны Святейшего синода за миссионерской деятельностью. В соответствии с указом Святейшего синода от 1865 г. все церковные причты должны были ежегодно предоставлять епархиальному преосвященному статистические сведения об уклоняющихся в иные вероисповедания [15. С. 9–16] и обращающихся в православие жителях губернии. Следовало предоставлять сведения о «присоединенных к православию иноверцах в продолжение года и окрещенных», о детях «иноверных родителей», письменные показания иноверцев «о добровольном присоединении их к православию и подписки иноверных родителей о воспитании крещеных... детей в православной вере...» [16. С. 291–292]. Епархиальные начальства ежегодно предоставляли подобные статистические сведения в Святейший синод в приложении к отчету о состоянии епархии.

Пятым направлением конфессиональной политики выступает усиление информационного освещения миссионерской деятельности в периодических изданиях епархий. В «Вятских епархиальных ведомостях» после событий апреля 1866 г. (покушение на императора) постепенно нарастает информационный поток, на регулярной основе извещающий прихожан о важности укрепления православия. В 1881 г., после гибели Александра II, было опубликовано предложение Аполлоса, архиепископа Вятского, духовенству Вятской епархии о методах воздействия на умы инородцев ради распространения среди последних православных ценностей, становящихся подлинной опорой государственного порядка: «Внушая почтение к родителям, благоговение к царю и покорность начальствующим, следует сказать, что Господь заповедал чтить отца и мать, что от Господа поставляются цари, а всякая власть и начальство – установление Божие, и потому нужно чтить родителей, почитать Царя и покоряться всякой власти, не из страха наказания, а по совести, памятуя, что это добро и приятно Богу... На малоразвитых инородцев, как на детей, добрый пример пастыря действует сильнее всякого назидательного слова. Слово пастыря должно быть и делом его: чему он учит, то первый, в образец поучаемым, должен исполнять» [17. С. 418].

На страницах епархиальных ведомостей рос объем полезной информации о методах миссионерской деятельности. Регулярно звучали призывы к сбору пожертвований [18. С. 305], печатались отчеты о собранных на миссионерскую деятельность средствах и о деятельности Вятского комитета Православного миссионерского общества, дающие представления о трудностях и успехах на поприще распространения православия среди иноверцев. В 1899 г. в ведомостях было размещено объявление преосвященного Гурия, епископа Самарского и Ставропольского, об издании сборника статей по просвещению инородцев [19. С. 850–852], целью которого было обобщение опыта миссионерской деятельности священников разных епархий. В конце XIX в. на страницах епархиальных ведомостей акцентировалось внимание читателя на успехах в деле присоединения к православию иноверцев. Ежегодно в первых номерах «Вятских епархиальных ведомостей» публиковались персональные сведения о том, кто присоединен к Русской православной церкви в истекшем году. Так, в 1898 г. перешел в православие из магометян 26-летний житель деревни Салаж Малмыжского уезда Гильям Музафаров с наречением его Никифором [20. С. 9]. Доводилась до сведения общественности и информация о наградах миссионеров с целью демонстрации священнослужителям и прихожанам примеров успешного служения. Так, в 1881 г. в некрологе протоиерея Новоторьяльского благочиния Яранского уезда Стефана Загуляева подробно перечислены награды за усердную службу, среди которых и благодарности епархиального начальства 1858, 1861, 1865 гг. за «утверждение прихожан-черемис в православной вере» [21. С. 406].

Комплекс мероприятий в отношении иноверцев, проживающих на территории Вятской губернии, при-

вел к некоторым позитивным результатам. Первая всеобщая перепись населения, проведенная в 1897 г., демонстрирует изменения в конфессиональной структуре Вятской губернии. К концу XIX в. общая численность населения губернии составляла 3 030 831 человек. Этнический состав губернии был представлен преимущественно русскими, финно-угорскими (вотяками, черемисами, пермяками) и турецко-татарскими (татары, башкиры, тептяри) народами [22. С. III]. Из конфессий наиболее распространено было православие, приверженцами которого в основном были русские и финно-угорские народы. По данным переписи, лишь 2% из общей численности вотяков и черемисов сохраняли языческие верования. Турецко-татарские народы в основном относились к магометанам [22. С. 84–85]. Увеличение числа православных среди вотяков и черемисов объяснялось тем, что представители финно-угорских народов охотно отзывались на проповедь миссионеров, проводивших планомерную и многоаспектную деятельность. В тоже время язычество оставалось частью реальности Вятской губернии и являлось основанием продолжения миссионерской деятельности священнослужителей в начале XX в.

Итак, издревле на Вятской земле сосуществовали православие и язычество. Коренное население Вятской губернии в имперский период находилось в зоне

активного влияния Русской православной церкви, которая проводила систематические мероприятия миссионерской направленности, устремленные к включению нерусских народностей империи в ценностное пространство русского мира. Региональная миссионерская практика Вятской епархии находилась в контексте общегосударственных мероприятий. Миссионерство осуществлялось разнообразными средствами, среди которых особое внимание уделялось распространению образования и проповедям среди иноверцев. Священническая проповедь затрагивала не только богословскую и богослужебную проблематику, но и вопросы социокультурного развития инородческих уездов губернии, формирования в иноэтничной среде образцов верноподданнического поведения по отношению не только к церковным, но и гражданским властям. Архивные документы свидетельствуют, что финно-угорское население Вятской губернии (вотяки и черемисы) во второй половине XIX в. отзывалось на проповедь православных священников, принимало те изменения в повседневном быту, которые предлагала государственная политика в сфере образования и здравоохранения. Православное духовенство становилось своеобразной социальной скрепой, объединяющей разные народности в единое государственное целое.

Список источников

1. Материалы для истории Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 1. С. 10–18.
2. Васильевых В. Нолинск православный. Нолинск, 2007. 43 с.
3. Отчет о религиозно-нравственном состоянии инородцев за 1881 год // Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. 811. Оп. 1. Д. 175.
4. Отчет миссионера о религиозно-нравственном состоянии черемис в Яранском уезде 1886 г. // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 221.
5. Распоряжение епархиального начальства // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 53–54.
6. Фармаковский И.Ф. Несколько статистических сведений о Вятской епархии за 1862 год // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 9. С. 265–277.
7. Протоиерей Иосиф Андреевич Стефанов. Некролог // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 3. С. 76–80.
8. Указ Святейшего Синода от 31 июля 1864 г. об основных правилах для учреждения православных церковных братств // Вятские епархиальные ведомости. 1864. № 23. С. 397–401.
9. Всеподданнейшая докладная записка обер-прокурора Святейшего Синода, графа Д. Толстого о деятельности православного духовного ведомства с июня 1865 по январь 1866 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1867. № 4. С. 54–59.
10. Отчетность миссионерского комитета за 1884 год // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 203.
11. Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1884 год // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 203.
12. Отчет Вятского комитета Православного миссионерского общества за 1880 год // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 7. С. 134–150.
13. Сведения о состоянии миссионерских школ (январь–декабрь 1884 г.) // ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 202.
14. Клировые ведомости и ведомости о церквях за 1864 г. // ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1484.
15. Указ Святейшего Правительствующего Синода от 5 ноября 1865 г. за № 3153 по делу о сокращении переписки // Вятские епархиальные ведомости. 1866. № 2. С. 9–16.
16. Указ Святейшего Синода от 25 августа 1865 г. за № 1966 об изменении действовавших постановлений относительно предоставления причтами епархиальному начальству сведений об обращающихся в православие // Вятские епархиальные ведомости. 1865. № 20. С. 291–292.
17. Предложение Аполлоса, архиепископа Вятского, духовенству Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 20. С. 418–421.
18. Указ Святейшего Синода от 28 августа 1865 г. за № 3419 о прекращении кружечных сборов, производимых на духовные нужды восточных христиан, и установлении взамен оных таково же на распространение православия между язычниками империи // Вятские епархиальные ведомости. 1865. № 21. С. 303–306.
19. Объявление об издании сборника статей по просвещению инородцев // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 24. С. 850–852.
20. О присоединении к православию // Вятские епархиальные ведомости. 1899. № 1. С. 9.
21. Протоиерей Стефан Николаевич Загуляев (некролог) // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 15. С. 406–410.
22. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: [кн. 1–89] / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 10: Вятская губерния. СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1904. [4], XII, 267 с.

References

1. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1863). Materialy dlya istorii Vyatskoy eparkhii [Materials for the history of Vyatka Eparchy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. pp. 10–18.
2. Vasil'evykh, V. (2007) *Nolinsk pravoslavnyy* [Orthodox Nolinsk]. Nolinsk: Sel'skaya nov'.
3. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 175. *Otchet o religiozno-nravstvennom sostoyanii inorodtsev za 1881 god*

- [Report on the religious and moral state of inorodtsy for 1881].
4. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 221. *Otchet missionera o religiozno-nravstvennom sostoyanii cheremis v Yaranskom uezde 1886 g.* [Report of a missionary on the religious and moral state of the Cheremis in the Yaransk district in 1886].
 5. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Rasporyazhenie eparkhial'nogo nachal'stva [Order of the diocesan authorities]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 3. pp. 53–54.
 6. Farmakovskiy, I.F. (1863) Neskol'ko statisticheskikh svedeniy o Vyatskoy eparkhii za 1862 god [Some statistical information about Vyatka Eparchy for 1862]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. pp. 265–277.
 7. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Protoierey Iosif Andreevich Stefanov. Nekrolog [Archpriest Iosif Andreevich Stefanov. Obituary]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 3. pp. 76–80.
 8. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1864) Ukaz Svyateyshego Sinoda ot 31 iyulya 1864 g. ob osnovnykh pravilakh dlya uchrezhdeniya pravoslavnykh tserkovnykh bratstv [Decree of the Holy Synod of July 31, 1864 on the basic rules for the establishment of Orthodox church brotherhoods]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 23. pp. 397–401.
 9. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1867) Vsepoddanneyshaya dokladnaya zapiska ober-prokurora Svyateyshego Sinoda, grafa D. Tolstogo o deyatel'nosti pravoslavnogo dukhovnogo vedomstva s iyunya 1865 po yanvar' 1866 g. [All-submissive memorandum of the chief prosecutor of the Holy Synod, Count D. Tolstoy on the activities of the Orthodox spiritual department from June 1865 to January 1866]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 54–59.
 10. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 203. *Otchetnost' missionerskogo komiteta za 1884 god* [Reporting of the missionary committee for 1884].
 11. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 203. *Otchet Vyatskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1884 god* [Report of the Vyatka Committee of the Orthodox Missionary Society for 1884].
 12. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Otchet Vyatskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1880 god [Report of the Vyatka Committee of the Orthodox Missionary Society for 1880]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 7. pp. 134–150.
 13. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 811. List 1. File 202. *Svedeniya o sostoyanii missionerskikh shkol (yanvar'–dekabr' 1884 g.)* [Information about the state of missionary schools (January – December 1884)].
 14. Central State Archive of Kirov Oblast (TsGAKO). Fund 237. List 70. File 1484. *Klirovye vedomosti i vedomosti o tserkvyakh za 1864 g.* [Clerical statements and statements about churches for 1864].
 15. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1866) Ukaz Svyateyshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda ot 5 noyabrya 1865 g. za № 3153 po delu o sokrashchenii perepiski [Decree of the Most Holy Governing Synod of November 5, 1865, No. 3153 on the case of reducing correspondence]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 2. pp. 9–16.
 16. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1865) Ukaz Svyateyshego Sinoda ot 25 avgusta 1865 g. za № 1966 ob izmenenii deystvovavshikh postanovleniy otnositel'no predostavleniya prichtami eparkhial'nomu nachal'stvu svedeniy ob obrashchayushchikhsya v pravoslavie [Decree of the Holy Synod of August 25, 1865, No. 1966 on changing the existing resolutions regarding the provision by clergy to the diocesan authorities of information about those converting to Orthodoxy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 20. pp. 291–292.
 17. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Predlozhenie Apollosa, arkhiepiskopa Vyatskogo, dukhovenstvu Vyatskoy eparkhii [Proposal of Apollon, Archbishop of Vyatka, to the clergy of Vyatka Eparchy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 20. pp. 418–421.
 18. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1865) Ukaz Svyateyshego Sinoda ot 28 avgusta 1865 g. za № 3419 o prekrashchenii kruzhechnykh sborov, proizvodimykh na dukhovnye nuzhdy vostochnykh khristian, i ustanovlenii vzamen onykh takovo zhe na rasprostranenie pravoslaviya mezhdru yazychnikami imperii [Decree of the Holy Synod of August 28, 1865 No. 3419 on the termination of mug collections made for the spiritual needs of Eastern Christians, and the establishment of the same in return for the spread of Orthodoxy among the pagans of the empire]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 21. pp. 303–306.
 19. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1899) Ob'yavlenie ob izdanii sbornika statey po prosveshcheniyu inorodtsev [Announcement of the publication of a collection of articles on the education of foreigners]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 24. pp. 850–852.
 20. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1899) O prisoeдинenii k pravoslaviyu [On joining Orthodoxy]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. P. 9.
 21. Vyatskie eparkhial'nye vedomosti. (1881) Protoierey Stefan Nikolaevich Zagulyaev (nekrolog) [Archpriest Stefan Nikolaevich Zagulyaev (obituary)]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 15. pp. 406–410.
 22. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: [kn. 1–89]* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897: [book. 1–89]]. Vol. 10. Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD.

Информация об авторах:

Калинина Д.А. – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Киров, Россия). E-mail: kalininadarja@mail.ru

Криюшина В.А. – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета Минздрава России (Киров, Россия). E-mail: vkriushina@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.A. Kalinina, Cand. Sci. (History), associate professor, Volga-Vyatka Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (Kirov, Russian Federation). E-mail: kalininadarja@mail.ru

V.A. Kriushina, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Kirov State Medical University (Kirov, Russian Federation). E-mail: vkriushina@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 11.03.2022;
одобрена после рецензирования 12.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 11.03.2022;
approved after reviewing 12.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.